

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Фокин Кирилл Валерьевич

**СПОСОБЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
АВТОРИТЕТА: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Ильин Михаил Васильевич

Москва – 2022

Постановка исследовательской проблемы

Политический авторитет основывается на взаимном признании властных отношений между властителями и подчинёнными. Он является центром или центрами (узлами, локусами, средоточиями) циркуляции власти в системе властных отношений. Политические образования невозможны без своеобразной, гласной или негласной договорённости: хотя бы и ограниченного, но взаимного доверия (*trust*) тех, кто подчиняется, и тех, кто повелевает. Приказ даже самого страшного властителя, лишившегося авторитета у исполнителей, может быть не выполнен. Случаи дворцовых и военных переворотов, свержения правителей – крайние примеры того, как свойство авторитета в глазах, скажем, военных или гвардии, переходит от властителя к его врагам: и тот, кто вчера мог начать войну, сегодня не может отдать приказ даже собственному телохранителю.

В современной научной литературе терминологически различаются насильственная нормативно-негативная власть как *dominance* и противоположная ей нормативно-позитивная власть как возможность и/или сотрудничество *empowerment*: можно сказать, *обретение и использование авторитета*, всеми признаваемая власть в общих интересах.

Обновление научного инструментария в XX веке и возникновение новых и реновация прежних средств, практик и сфер взаимодействия и коммуникации привели к появлению в научном обиходе представлений о медиавласти, биовласти, субъективизации, неосознаваемой власти¹, культурной власти (власти над культурой, мягкой власти «*soft power*») и так далее. Эмансипация и обретение прав ранее бесправными группами, развитие горизонтальных связей и так называемый «кризис» политических систем в XXI веке (отставание институциональных конфигураций от развития информационных систем, появление популистских движений и т.д.) приводят нас к необходимости переосмыслить и уточнить наши представления об институтах политического авторитета в меняющемся мире².

Потребность в этом существует не только внеположная науке, но и внутренняя. За последние десятилетия в различных научных областях было накоплено большое количество данных и совершён ряд открытий, заставляющих нас по-новому взглянуть на человеческое общество в *эволюционном контексте*. Достижения антропологии, этологии, теории игр, психологии и эволюционной биологии сегодня позволяют политологически

¹ Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: domination and empowerment // *Journal of Political Power*. 2012. Vol 5, No. 1. Pp. 33–54.

² Haugaard M. The faces of power, resistance and justification in a changing world // *Journal of Political Power*. 2020. Vol 13, No. 1. Pp. 1–5.

приступить к выявлению общих эволюционных основ институционализации политического авторитета и варибельности её способов. Благодаря этим новым результатам из различных сфер сегодня возможно проследить сквозные эволюционные тенденции, пронизывающие как социальную, так и биологическую эволюцию.

Диссертационное исследование решает две задачи: одну теоретико-методологического, и другую практического характера. Во-первых, диссертация осуществляет синтез результатов научных исследований в обозначенных выше областях и выявляет, таким образом, общие эволюционные принципы развития институтов политического авторитета в исторической перспективе. Во-вторых, диссертация осуществляет эмпирическую проверку данных обобщённых принципов на трёх критических переходах—реперных позициях, позволяющих либо подтвердить, либо опровергнуть действие данных принципов.

Степень разработанности проблемы

Тема эволюции институциональных форм добровольного подчинения разрабатывается в мировой науке с разных сторон. Проблема заключается в *разобъёмности* конвенциональных подходов. Мы разобъём их на три условных крупных блока по принципу методологической общности (но крайне разнородных внутри): **(1)** политическая теория и философия, **(2)** социологический подход, **(3)** биополитический подход.

(1) В политической теории есть две традиции: одна, феноменологическая, идёт от таких мыслителей, как Платон, Гоббс, Локк, Кант, Юм и Остин³ и связана с размышлениями, что мы понимаем и что должны понимать под авторитетом. Вторая, нормативная, задаёт вопросы о его (моральной) оправданности и о контекстах, в которых мы можем считать его оправданным, как в трудах Рональда Дворкина⁴, Джона Ролза⁵, Джозефа Раца⁶, Джона Симмонса⁷, Томаса Кристиано⁸, Ричарда Т. Де Джорджа⁹, или *не*

³ См. обзор у: Алексеева Т.А. Проблемы авторитета в политической философии // Полития. 2005. № 2. С. 161–184.

⁴ Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

⁵ Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1996.

⁶ Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1986.

⁷ Simmons A.J. Justification and Legitimacy: Essays on Rights and Obligations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

⁸ Christiano T. The Authority of Democracy // Journal of Political Philosophy. 2004. Vol. 12, No. 3. Pp. 245–270.

⁹ DeGeorge R.T. The Nature and Limits of Authority. Lawrence: University Press of Kansas, 1985.

можем – как в работах Мишеля Фуко и континентальной школы или анархистском течении от Роберта Вулфа¹⁰ до современных представителей вроде Марка Хьюмера¹¹. В том, что касается институционального звена, большинство основных концепций и теоретических моделей авторитета (нормативных, критических, феноменологических и т.п.) так или иначе отталкиваются от веберовской типологии легитимного господства¹².

Ключевой тезис, принимаемый нами из политической теории, – *авторитет не может существовать вне меняющегося социального контекста*. Субъект неспособен взять и объявить себя авторитетом, авторитетом нельзя стать с помощью *исключительно* доминирования и принуждения; позицией авторитета субъект должны наделять другие субъекты. Данное обстоятельство учитывается, хотя иногда и остаётся без должного внимания, во *всех* определениях, которые можно найти в литературе. Ханна Арендт трактует авторитет как нечто противоположное принуждению. Он связан с добровольным подчинением (и подчинением без насилия), *верой*¹³. Деннис Ронг определяет его как «властное отношение, в котором субъект обладает *признанным* правом командовать, а объект – *признанной* обязанностью повиноваться»¹⁴ (выделение моё. – К.Ф.). Как основание для «подчинения без насилия» или авторитета Александр Марей в своём очерке концептуальной истории понятия предлагает «*социально-признаваемое* знание»¹⁵ (выделение моё. – К.Ф.). Аналогичное утверждение мы найдём у антропологов и этологов, занимающихся изучением лидерства у животных: позиция лидера / вожака / альфы в группах социальных животных не столько завоёвывается самим субъектом (как в т.н. «иерархии доминирования»), сколько другие субъекты его/её ей наделяют, это «завоевание» принимают и с ним соглашаются¹⁶ (хотя одно, как можно справедливо заметить, не исключает другого).

¹⁰ Wolff R.P. In Defense of Anarchism. New York: Harper & Row, 1970.

¹¹ Huemer M. The Problem of Political Authority. L.: Palgrave Macmillan, 2013.

¹² Die drei reinen Typen der legitimen Herrschaft, in: Preußische Jahrbücher, Band. 187, Heft 1, 1922, S. 1-12. / Вебер М. Три чистых типа легитимного господства // Хозяйство и общество. Т. 4. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. С. 404-414.

¹³ Arendt H. What Is Authority? // In between Past and Future: Eight Essays in Political Thought. London: Penguin Books, 2006. Pp. 91–141.

¹⁴ Wrong D.H. Power: It's Forms, Bases, and Uses. New Brunswick and L.: Transaction Publishers, 2002. P. 49. / перевод цит. по: Ледяев В.Г. Власть, авторитет и господство в России: характеристики и формы // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 4. С. 61-94.

¹⁵ Марей А.В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

¹⁶ Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

(2) Рассмотрение авторитета как явления / факта социальной реальности – свойство социологического подхода. Социология обращает внимание на эмпирические проявления добровольного подчинения (что иллюстрируют работы Майкла Хаугаарда¹⁷ и ряда авторов из *Journal of Political Power*), на протяжении XX века последовательно расширяя свой фокус зрения (от добровольного подчинения политическим решениям до неявных обыденных практик, где политический смысл существует, но не осознаётся даже самими субъектами¹⁸). Предлагаются большие концептуальные модели, вроде попыток исключительного описания институциональных форм власти и их эволюции Майкла Манна¹⁹ или концепций «общественных порядков» и «режимов доступа» Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгайста²⁰.

На практическом уровне «идеальные типы» (как у Макса Вебера) смешиваются, и зачастую трудно отделить один тип «господства» от другого. Что мы можем, однако, и в чём помогает социологический подход, – это проследить эволюцию форм господства, и установить, в какой примерно пропорции в разные исторические периоды происходит это «смещение». Взгляд на конкретные формы выражения политического авторитета и рассмотрение его как института (комплекса институтов), который (которые) можно подвергнуть эмпирическому анализу, а не как идеального типа, доступного лишь для умозрительных нормативных дискуссий, – достижение социологической школы, которое позволяет нам использовать оптику направления эволюционного институционализма.

(3) Биополитический подход, необходимый нам для создания широкой рамки рассмотрения институтов авторитета, включающей в себя в том числе и т.н. «авторитет у животных», и биологическую функциональность, которая наследуется и развивается в человеческом сообществе. Сам термин «биополитика» используется нами в смысле сочетания политологии и этологии, от Линтона Колдуэлла²¹, Альберта Сомита²², Томаса

¹⁷ Haugaard M. What is authority? // *Journal of Classical Sociology*. 2018. Vol.18, No. 2. Pp. 104-132.

¹⁸ Digester P. The Fourth Face of Power // *The Journal of Politics*. 1992. Vol. 54, No. 4. Pp. 977–1007.

¹⁹ Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. / Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 1-4. Cambridge University Press, 2012.

²⁰ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011 / North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

²¹ Caldwell L. Biopolitics: Science, ethics, and public policy // *The Yale Review*. 1964. Vol. 54, No. 1. Pp. 1–16.

Торсона²³, Конрада Лоренца²⁴, Нико Тинбергена²⁵ и других. Это подход, в котором данные из биологии как естественной науки могут быть привлечены для разрешения проблем, стоящих перед науками общественными²⁶ (этот подход важно не путать с «фукольдиданским» биополитическим подходом²⁷). С нашей точки зрения, плодотворным является переход от отвлечённо-теоретического представления о власти и авторитете к широкому эмпирически-ориентированному, и здесь именно биополитика предлагает нам необходимый инструментарий.

То, как власть или её аналоги проявляется на биологическом уровне²⁸, – один из главных вопросов социобиологии. Одними из основателей этого подхода можно считать российских учёных-анархистов П.А. Кропоткина²⁹ и Л.И. Мечникова³⁰. К значимому исследователю этого направления из современников можно отнести А.В.Олескина³¹, одна из заслуг которого состоит в том, что он ввёл в отечественную науку главные идеи, разработки и результаты, достигнутые на этом поле. Но в сферу биополитики могут попадать работы и из смежных областей, таких как когнитивная или поведенческая нейробиология (в России представленные, например, исследованиями Института когнитивных нейронаук НИУ ВШЭ).

²² Somit A. Toward a more biologically oriented political science: Ethology and psychopharmacology // *Midwest Journal of Political Science*. 1968. Vol. 12, No. 4. Pp. 550–567; Somit A. Review article: Biopolitics // *British Journal of Political Science*. 1972. Vol. 2, No. 2. Pp. 209–238.

²³ Thorson T.L. *Biopolitics*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970.

²⁴ Lorenz K. *Evolution and Modification of Behavior*. Chicago: University of Chicago Press, 1965.

²⁵ Tinbergen N. On Aims and Methods of Ethology // *Ethology*. 1963. Vol. 20, No. 4. Pp. 410–433.

²⁶ См., например, сборник: *Handbook of Biology and Politics* / eds. S.A. Peterson and A. Somit. Cheltenham: Edward Elgar, 2017.

²⁷ Liesen L.T., Walsh M.B. The Competing Meanings of 'Biopolitics' in Political Science: Biological and Post-Modern Approaches to Politics // *Politics and the Life Science*. 2012. Vol. 31, No. 1-2. Pp. 2-15.

²⁸ Здесь «власть» следует понимать как системные, асимметричные отношения внутри сообщества / между сообществами / между индивидами (и не всегда одного вида) для согласования и осуществления совместных действий.

²⁹ Кропоткин П.А. *Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса*. М.: Голос труда, 1922.

³⁰ Мечников Л.И. *Цивилизация и великие исторические реки*. М: Пангея, 1995. / Metchnikoff L. *La Civilisation et les grands fleuves historiques*. Hachette, Paris 1889.

³¹ Олескин А.В. *Биополитика*. М., 2001.

Биополитический подход в диссертации представлен использованием данных, исследований и гипотез из различных областей: социобиология³² используется для объяснения взаимосвязи социального и биологического в институциональных структурах авторитета; этология представляет варианты конфигураций отношений «власти» у животных – от эусоциальности насекомых³³, с которыми человеческие общества порой схожи лишь в функциональном отношении³⁴, до близких нам высших приматов. Одним из первых о существовании прямого аналога «политического авторитета» у приматов заявил Фред Вильхойт³⁵. Его идеи в дальнейшем развивались благодаря наблюдениям и экспериментам Франса де Вааля³⁶, Джейн Гудолл³⁷, Роджера Фоутса³⁸, Кристофа Бёша³⁹ и других.

Рядом стоят исследования т.н. «эволюционного» или «лидерства у животных»: среди значимых авторов можно назвать Марка Ван Вугта⁴⁰, Роберта Хогана⁴¹, Захари Х. Гарфилда⁴², Р.Ф. Уайта⁴³. К ним же примыкают исследования в области теории игр (в

³² См.: Wilson E.O. *The Insect Societies*. Cambridge, MA: Belknap Press, 1971; Wilson E.O. *Sociobiology: A New Synthesis*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975; Wilson D.S., Wilson E.O. Rethinking the theoretical foundation of sociobiology // *The Quarterly review of biology*. 2007. Vol. 82, No. 4. Pp. 327–348; Wilson E.O. *The Social Conquest of Earth*. New York: Liveright Publishing Corporation, 2012.

³³ Batra S.W.T. Nests and social behavior of halictine bees of India (Hymenoptera: Halictidae) // *The Indian Journal of Entomology*. 1966. Vol. 28, No. 3. Pp. 375—393; Foster K.R., Ratnieks F.L.W. A new eusocial vertebrate? // *Trends in Ecology and Evolution*. 2005. Vol. 20. No. 7. Pp. 363–364.

³⁴ См. Фокин К.В. Эволюции власти: (Прото)политическое поведение у животных / В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М. В. Ильин; отв. ред.: И. В. Фомин, В. С. Авдонин. Вып. 11: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. М.: [б.и.], 2021. *В печати*.

³⁵ Willhoite F.H. Jr. Primates and Political Authority: A Biobehavioral Perspective // *The American Political Science Review*. 1976. Vol. 70. No. 4. Pp. 1110–1126.

³⁶ Де Валь Ф. Указ.соч.

³⁷ Goodall J. *The chimpanzees of Gombe: patterns of behavior*. Belknap Press of Harvard University Press, 1986.

³⁸ Fouts R. Apes, Darwinian continuity and the law // *Animal Law*. 2004. Vol. 10. Pp. 99-124.

³⁹ Boesch C. *Wild Cultures: A Comparison between Chimpanzee and Human Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

⁴⁰ Van Vugt M. Evolutionary origins of leadership and followership // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. Pp. 354–371; Van Vugt M., Grabo A.E. The many faces of leadership: An evolutionary-psychology approach // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. Pp. 484–489.

⁴¹ Winsborough D., Kaiser R., Hogan R. An evolutionary view: What followers want from their leaders // *Leadership in Action*. 2009. Vol. 29. Pp. 8-11

⁴² Garfield Z.H., von Rueden C., Hagen E.H. The Evolutionary Anthropology of Political Leadership // *The Leadership Quarterly*. 2018. Vol. 30, No. 1. Pp. 59–80; Garfield Z.H., Hagen

первую очередь Роберта Аксельрода⁴⁴ и его последователей⁴⁵) и эволюции альтруизма и кооперации⁴⁶. «Лидерство» и «альтруизм» для наших целей помещаются в одно концептуальное поле с «авторитетом»: мы указываем на неразрывную, в прагматической плоскости, связь между ними. С нашей точки зрения, невозможно исследовать институты политического авторитета в человеческом обществе в широкой перспективе без учёта проблем кооперации, альтруистического поведения и лидерства.

Подтверждением этого служат три концепции из антропологии. Во-первых, культурные универсалии (Дональд Браун и др.⁴⁷). Во-вторых, связь между социальным восприятием/поведением (в отношении) власти и работой биологических механизмов, подтверждённая, в первую очередь, командами Дачера Келтнера⁴⁸, Деборы Келеман⁴⁹, Деборы Грюнфилд⁵⁰, Василия Ключарёва⁵¹ и других⁵². В-третьих, это гипотеза

E.H. Investigating evolutionary models of leadership among recently settled Ethiopian hunter-gatherers // *The Leadership Quarterly*. 2020. Vol. 31, No. 2. 101290.

⁴³ White R.F. Political behavior and biology: evolutionary leadership and followership // *Handbook of Biology and Politics*. Eds. S.A. Peterson and A. Somit. Cheltenham: Edward Elgar, 2017. Pp. 231-246.

⁴⁴ Axelrod R. The evolution of cooperation. New York: Basic Books, 1984; Axelrod R. An Evolutionary Approach to Norms // *The American Political Science Review*. 1986. Vol. 80, No. 4. Pp. 1095–1111.

⁴⁵ Durlauf S.N., Blume L.E. *Game Theory and Biology* // *Game Theory*. London: Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 119-126; Cowden C. *Game Theory, Evolutionary Stable Strategies and the Evolution of Biological Interactions* // *Nature Education Knowledge*. 2012. Vol. 3, No. 10. P. 6.

⁴⁶ Ridley M. *The Origins of Virtue: Human Instincts and the Origins of Cooperation*. London: Penguin, 1996; Alford J.R., Hibbing J.R. *The Origin of Politics: An Evolutionary Theory of Political Behavior* // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2, No. 4. Pp. 707–723.

⁴⁷ Brown D. *Human Universals*. Template University Press, 1991; Brown D. Human universals and their implications // *Being humans: Anthropological universality and particularity in transdisciplinary perspectives*. New York: Walter de Gruyter, 2000. Pp. 156–174; Norenzayan A., Heine S. J. Psychological universals: what are they and how can we know? // *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131, No. 5. Pp. 763–784; Antweiler C. *Our Common Denominator: Human Universals Revisited*. New York and Oxford: Berghahn, 2016; Brown D. Review: *Our Common Denominator: Human Universals Revisited* by Antweiler, Christoph, Diane Kerns // *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*. 2017. Vol. 1, No. 1. Pp. 213-216.

⁴⁸ Keltner D., Gruenfeld D.H., Anderson C. Power, Approach, and Inhibition // *Psychological Review*. 2003. Vol. 110, No 2. Pp. 265–284.

⁴⁹ Keleman D. Are Children „Intuitive Theists“? Reasoning about Purpose and Design in Nature // *Psychological Science*. 2004. Vol 15, No. 5. Pp. 295–301.

⁵⁰ Inesi M., Magee J., Gruenfeld H., Galinsky A.D. Power and the objectification of social targets // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95, No. 1. Pp. 111–127; Inesi M., Gruenfeld H., Galinsky A.D. How power corrupts relationships: Cynical attributions for others' generous acts // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48, No. 6. Pp. 795–803.

⁵¹ Ключарев В.А., Зубарев И.П., Шестакова А.Н. Нейробиологические механизмы социального влияния // *Экспериментальная психология (Россия)*. 2014. Т. 7, № 4. С. 20–36.

сверхъестественного наказания (Supernatural Punishment Hypothesis / SPH) Доминика Джонсона⁵³ и его соавторов, комментаторов⁵⁴ и критиков⁵⁵. Они приводят убедительные доказательства, что образование больших человеческих сообществ связано с возникновением (институционализацией) веры в сверхъестественных моральных агентов – предельных авторитетов (богов/Бога).

Каждый из пластов литературы с разных сторон подступает к ответу на главный вопрос исследования – как на протяжении человеческой истории видоизменялись (эволюционировали) способы институционализации политического авторитета? Изначальная задача работы – навести мосты между этими пластами, выявить связь как между уже существующими исследованиями, так и между теориями и эмпирическими данными, и на основании этого «наведения мостов» выявить общие эволюционные принципы вариативности институтов политического авторитета, которые, при помощи рамочной динамической (эволюционной) модели можно валидизировать на эмпирическом материале (конкретных исторических контекстах, естественных экспериментах и т.д.)

Ключевая проблема (puzzle) исследования

Несмотря на значительные успехи сравнительных, эмпирических и идиографических исследований властных структур и авторитета, всё ещё сохраняется разрыв между полученными результатами и по-прежнему влиятельными, хотя уже не доминирующими нормативными и, шире, общетеоретическими подходами к политическому авторитету. Эти нормативные и общетеоретические установки при всём их самостоятельном значении воздействуют на анализ практических институциональных и поведенческих воплощений авторитета, нередко и деформируют его. Требуется не только восполнить разрыв между эмпирическим изучением фактически наличных сейчас или в историческом прошлом явлений авторитета и умозрительными схемами, но и, на основании главных достижений,

⁵² Hogeveen J., Inzlicht M., Sukhvinder S.S. Power Changes How the Brain Responds to Others // *Journal of Experimental Psychology*. 2013. Vol. 143, No. 2. Pp. 755–762.; Wheeler M.E., Fiske S.T. Controlling racial prejudice: social-cognitive goals affect amygdala and stereotype activation // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16, No. 1. Pp. 56–63.

⁵³ Johnson D.D.P. *God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human*. New York: Oxford University Press, 2015.

⁵⁴ Lane J. Strengthening the Supernatural Punishment Hypothesis through Computer Modeling // *Religion, Brain & Behavior*. 2018. Vol. 8, № 3. Pp. 290–300; Hartberg Y., M.Cox, Villamayor-Tomas S. Supernatural Monitoring and Sanctioning in Community-based Resource Management // *Religion, Brain & Behavior*. 2016. Vol. 6, No. 2. Pp. 95–111.

⁵⁵ Miyatake S., Higuchi M. Does Religious Priming Increase the Prosocial Behaviour of a Japanese Sample in an Anonymous Economic Game? // *Asian Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 20, No. 1. Pp. 54–59.

позволяющих сформулировать общие эволюционные принципы варибельности способов институционализации политического авторитета, выработать логику перехода от теоретических обобщений к эмпирически установленным данным и закономерностям и обратно.

Основной исследовательский вопрос

За счёт каких факторов достигалась институционализация структур(ы) политического авторитета на трёх критических порогах усложнения социальной и политической организации: начальном антропогенезе, становлении традиционных и современных порядков?

Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в (1) установлении общих эволюционных принципов институционализации политического авторитета и варибельности её способов и (2) их эмпирической проверке.

Цель достигается решением следующих задач:

1) осуществлением концептуализации основных понятий, используемых в исследовании:

- политический авторитет,
- институты политического авторитета,
- способы институционализации политического авторитета,
- предельная (внешняя) инстанция авторитета.

2) рассмотрением, критическим анализом и обобщением наличных в науке объяснительных моделей эволюции этологического «лидерства у животных» к человеческим институтам политического авторитета, и эволюции человеческих институтов политического авторитета с учётом их биологических прототипов. На основе обобщённой таким образом схемы предлагается рамочная модель динамики, которая подлежит проверке при помощи эмпирических наблюдений.

3) рамочная модель развития институтов политического авторитета проверяется нами на трёх критических переходах—реперных позициях: (а) трансформации поведенческих (этологических) практик в первобытные институты политического авторитета, (б) трансформации первобытных институтов в условиях образования больших сообществ и роли «внешней инстанции» (сверхъестественного агента), (в) сохранения, преобразования, усложнения, умножения «внешних инстанций», их рефлексивное

«закольцовывание» в сети обратных связей за счёт подотчётности внутри современного института демократического авторитета.

4) по результатам «наведения мостов» между корпусами существующей литературы, теоретических наработок и их эмпирического анализа, формулируются, а затем (благодаря тестированию на исторических данных, описанию естественных экспериментов и т.д.) корректируются общие эволюционные принципы вариабельности институтов политического авторитета, позволяющие как проследить сквозные эволюционные тенденции в развитии и умножении институтов политического авторитета, так и анализировать с их помощью альтернативные институциональные решения в конкретных исторических контекстах.

Структура и обоснование границ исследования

Исследование структурируется исходя из достижения двух целей. Первая – критический анализ обширного корпуса научных достижений, наработок и результатов исследований, позволяющий их систематизировать, объединить, и выявить на их основании эволюционные принципы вариабельности институтов политического авторитета. Критический анализ осуществляется путём сбора и анализа литературы, а также отбора имеющих наибольшее значение для нас элементов. Отбор происходит путём анализа на соответствие / несоответствие и последующей инкорпорации в нашу исследовательскую парадигму данных из смежных областей (биополитики, этологии, социобиологии, антропологии и т.д.), имеющих принципиальное, с нашей точки зрения, значение для изучения институциональной эволюции политического авторитета. Анализ и отбор описаны и отражены во **Введении** и в **Первой главе**. Формулировка общих эволюционных принципов вариабельности способов институционализации политического авторитета, а также предложение на их основе рамочной динамической модели, позволяющей валидизировать эти принципы на конкретных исторических контекстах и описать, при наличии, имеющиеся исключения, даётся также в **Первой главе**.

Дальнейшая практическая валидизация общих принципов осуществляется при помощи рабочей модели на трёх критических порогах – реперных позициях исследования⁵⁶. Речь идёт о крупных обобщениях длительных, растянутых во времени

⁵⁶ Понимаются нами как критические эволюционные пороги (evolutionary thresholds); концепт взят из семиотики и биосемиотики: см. Kull K. Vegetative, Animal, and Cultural Semiosis: The semiotic threshold zones // Cognitive Semiotics. 2009. Vol. 4 (Supplement). Pp. 8–27; Higuera C.J.R., Kull K. The Biosemiotic Glossary Project: The Semiotic Threshold // Biosemiotics. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 109–126.

каскадов переходов, отдельных стадий развития, различных институциональных решений, индивидуального опыта и эволюционного трека отдельных сообществ и т.д. – объединяемых, однако, ультимальной логикой – особым способом институционализации авторитета, свойственного всему социальному порядку. Разработка каждого из которых представляет собой отдельный параграф **Второй главы**). Мы исходим из концепции «культурных универсалий» Дональда Брауна. Из неё следует, что институты политического авторитета – универсальное явление для человеческой культуры. Ответить на вопрос – «почему так?» – помогает биополитическая перспектива, позволяющая выявить эволюционную биологическую и социальную функциональность институтов авторитета.

Следовательно, *первая позиция* – биологическая (эволюционная) функциональность институтов авторитета. Биополитический подход представляет нам инструментарий для того, чтобы использовать данные из естественных наук для решения задач, стоящих перед наукой политической. Логика авторитета – улучшение внутригрупповой кооперации, наказание фрирайдеров, поощрение альтруистического поведения, не только «захват» лидерской позиции, но и «наделение» ею – утверждение, что эта логика присутствует во вариантах так называемого «лидерства у животных» доказуемо. «Культурные универсалии» подтверждают, что институты такого назначения встречаются во всех известных нам человеческих культурах, и это также доказуемое эмпирически утверждение. Это позволяет нам вписать институты политического авторитета в человеческом обществе в более общую биосоциальную рамку.

Вторая позиция – переход первых сложносоставных человеческих групп к авторитету «внешней инстанции», в своей первой форме – религиозных институтов. Научное обоснование и необходимые данные предоставляет концепция (гипотеза) сверхъестественного наказания (SPH) – мы критически рассматриваем эти данные и интерпретируем их иначе, однако основание остаётся доказуемым. Переход к большим сообществам у людей связан с формированием веры в моралистичных внешних агентов – богов. Это и есть начало политического авторитета, легитимирующего себя при помощи «внешней инстанции». Базируясь на систематическом, обобщённом анализе разрозненных исторических исследований, мы последовательно фиксируем, что традиционный тип внешней инстанции – сперва сверхъестественная (трансцендентная), а затем усложняющаяся путём добавления, умножения, надстройки и распространения новых внешних (идейных) инстанций, включающих и трансцендентные (монотеистический Бог), и псевдотрансцендентные (Государство, Нация), – является источником (источниками)

политического авторитета в сообщества, и её характер (светский / религиозный / идеологий / смешанный) определяют конкретные способы строения институтов политического авторитета.

Третья позиция – современный демократический авторитет в рамках социального порядка открытого доступа. Все концептуализации демократии, а в первую очередь наиболее влиятельных из них – концепции полиархии⁵⁷, подотчётности⁵⁸ и мониторинжной демократии,⁵⁹ открытого общества⁶⁰ и открытого социального порядка⁶¹, – главной отличительной чертой демократической институциональной системе называют гетерогенность. Демократическая система власти создаёт «правила игры», внутри которых могут институционализировываться, сосуществовать и конкурировать самые разные системы политического авторитета, идей и идеологий, но при этом ни одна из них не может утверждаться как единственно-верная (что достигается за счёт демократических форм мониторинга, подотчётности, выборной системы, разделения властей, ротации власти и так далее). Сосуществование различных форм политического авторитета внутри демократической системы подтверждается множеством исследований, что порождает рамочные объяснительные концепции, вроде «гражданской религии»⁶². Тем не менее, авторитет власти в демократических системах базируется на вполне конкретном образе «внешней инстанции». Данной инстанцией является «народ», наделённый субъектностью и реализующий свою власть как через представителей в органах государственной власти, так и непосредственно – и путём голосования, и даже актов гражданского неповиновения. Новация демократического способа институционализации политического авторитета, таким образом, заключается в попытке отказа от *интерпретации* интересов внешней инстанции (как с предыдущими формами, когда за Бога / богов, Государство или Nation говорили их «наместники»), и в попытке операционализации народа как политического субъекта. То, что ранее было невозможно исходя из физических пространственно-временных ограничений, стало возможно с возникновением современных государств,

⁵⁷ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: НИУ ВШЭ, 2010.

⁵⁸ Schmitter P., Karl T. What Democracy Is... and Is Not // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2, No. 3. Pp. 75–88.

⁵⁹ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

⁶⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.

⁶¹ North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Op. cit.

⁶² Gentile E. Political Religion: A Concept and Its Critics – A Critical Survey // Totalitarian Movements and Political Religions, 2005. Vol. 6, No. 5. Pp. 19–32.

современных бюрократических систем и новых технологий (которые в футурологической перспективе могут привести к образу т.н. «ежедневного референдума»).

Очевидно, при более глубоком изучении трека институционального развития политического авторитета данных «реперных позиций» можно обнаружить значительно больше. Рамочная модель принципов развития институционализации авторитета, которую мы валидируем на этих позициях, учитывает лишь самые главные – *критические переходы*, эволюционные пороги, на которых происходит усложнение и развитие способов институционализации политического авторитета, а не усложнение и развитие человеческого общества в принципе. Мы не стремимся охватить все возможные переходы (в т.ч. и разнонаправленные, и нелинейные) в эволюции человеческих сообществ. Альтернативные варианты порогов, такие как: без нормативности и сложных орудийных технологий – с нормативностью и такими технологиями, без производящего хозяйства – с происходящим хозяйством (переход к неолиту), без разделения властей – с разделением властей, без выборов – с ограниченными – всеобщими выборами и т.д., с нашей точки зрения, не внесли критических (глобальных, сравнимых) изменений в способы институционализации политического авторитета. Исследование данных переходов, безусловно, осмысленно – и дальнейшие исследования, при необходимости, могут использовать нашу схему как базу для дальнейшего уточнения и углубления новых исследований.

Теоретико-методологические основы исследования

Областью исследований диссертации являются политические институты, процессы и технологии⁶³. Факты, данные, наблюдения, концепции и гипотезы, обсуждаемые в диссертации, черпаются нами из научной литературы, объектом исследования является не литература сама по себе, а процессы институциональных изменений, эволюции, исторические контексты и факты (включая естественные эксперименты) описываемые в литературе. Этим обусловлен разброс внутри привлекаемой нами научной литературы: мы обращаемся к различным научным исследованиям, устанавливая связь между обнаруженными закономерностями и предложенными подходами. По этой же причине мы

⁶³ Что соответствует области исследований профиля 23.00.02: «[исследование] природы и сущность политической власти. Функции политической власти. Типы и разновидности политической власти. Социальные основания и ресурсы политической власти. Модели организации политической власти и властных взаимоотношений. <...> Типология политических систем. Модели политических систем. Природа и функции государства. <...> Политическое лидерство как институт политической власти...» и т.д.

предпочитаем не ориентацию на *литературу*, а скорее на критическое и самостоятельное использование *результатов исследований*, достигнутых в науке, зафиксированные в различных областях научной литературы. Привлечение нами исследований, несмотря на их широкий разброс, носит системный характер: оно продиктовано не избыточным желанием «охватить всё», а, напротив, необходимостью не упустить ничего, что могло бы служить проверке нашей концепции.

Совмещение больших объёмов данных из различных пластов литературы, с широкой концептуальной рамкой, способной обосновать исследовательскую программу, возможно благодаря использованию подходов эволюционного институционализма и эволюционной морфологии⁶⁴. «Эволюционный подход» рассматривает институты в контексте их развития, пытается определить принципы развития, оперирует понятиями из эволюционной биологии, такими как «эволюционное давление», «отбор», «репликация» и т.д. Он также включает в себя и прямое обращение к биополитическому / биосоциальному подходу, не просто заимствуя понятия, но формулируя вопрос о соотношении биологической логики и социальной.

Как пишут Барри Вайнгаст и Дональд Уиттман, в институциональном анализе существует три уровня: *«На первом, наиболее ясном и общепринятом уровне, институт принимается как должное – и изучению подлежат его эффекты. На втором, предполагается сравнительный институциональный анализ этих эффектов первого уровня, чтобы изучать значение различных форм институтов. На третьем, самом глубоком уровне институционального анализа, мы берём институты как таковые, как эндогенные образования; и пытается объяснить, как и почему институты структурированы таким, а не иным образом, и почему некоторые типы институтов “выживают”, а другие – нет»*⁶⁵. Мы исходим из того, что первый уровень анализа (эффекты института политического авторитета) хорошо и подробно разработан в политической науке; второй уровень анализа (сравнительный разбор различных институтов политического авторитета) также является известным (разделение на типы легитимного господства и так далее). В рамках настоящего исследования мы обращаемся

⁶⁴ См. напр.: Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2014. № 4. С. 58–70; Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2015. № 1. С. 82–102; Патцельт В. Морфология и казуальность // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 3. С. 56–71.

⁶⁵ Weingast B.R., Wittman D.A. *The Reach of Political Economy* // *The Oxford Handbook of Political Economy*. Oxford University Press, 2006. P. 6.

к третьему уровню: по какой причине институты политического авторитета структурированы именно таким образом? Полагаем, что ответ нужно искать в институциональной эволюции, логика которой в нашей методологической парадигме является схожей с логикой эволюции биологической: «выживание обладающих наибольшими резервами приспособляемости». Иными словами, чтобы институт «выжил» и «закрепился», он должен обладать как «внешней» полезной функциональностью, так и соответствовать «внутренним» особенностям организма индивида (черпать оттуда адаптационный потенциал⁶⁶).

Проекция теоретического понятия в эмпирическую плоскость развивающихся практик и эволюционирующих институтов, с акцентированием биологической «исходной позиции», не является новым и/или экспериментальным методом. В качестве прецедента можно привести работу Рональда Уайта (опираясь на работы ван Вугта и Прайса⁶⁷), который предложил концепцию развития института (политического) лидерства⁶⁸. Его реконструкция спорная, однако даёт представление о современном состоянии эволюционной теории лидерства.

Другие эволюционные институционалисты критикуют подход с таким умозрительным разделением⁶⁹. Действительно, эволюция видов происходит непрерывно, и невозможно выделить «точку», где родители принадлежат одному виду, а дети – уже другому. Принципиально соглашаясь с тем, что институт (социальная практика) *всё время* находится в состоянии изменений, мы исходим из того, что формализованное разделение на «фазы» или «этапы» в развитии позволяет прояснить ключевые изменения (мутации), схожести и различия. Речь не о «новом поколении» институтов, решающем исходную задачу новыми методами / средствами, а о «следующем поколении», которое сохраняет черты предыдущих и «наслаивается» на них сверху (как и биологическая эволюция не создаёт особь заново, а вносит поправки в уже существующий образец – таким образом, сохраняя непрерывную линию от самых первых живых существ, и их эволюционное

⁶⁶ De Waal F. The Chimpanzee's Adaptive Potential: A Comparison of Social Life under Captive and Wild Conditions // Chimpanzee Cultures. Eds. R.W. Wrangham et al. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994. Pp. 243-260.

⁶⁷ Price M.E., Van Vugt M. The evolution of leader–follower reciprocity: The theory of service-for-prestige // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8. Pp. 1–17; Price M.E., Van Vugt M. The service-for-prestige theory of leader-follower relations: A review of the evolutionary psychology and anthropology literatures // Biological foundations of organizational behavior. Eds. R.D. Arvey R.D., S.M. Colarelli. Chicago: The University of Chicago Press, 2015. Pp. 397–477.

⁶⁸ White R.F. Op. cit. P. 237.

⁶⁹ Patzelt W.J. Comparative politics and biology // Handbook of Biology and Politics. P. 198.

наследие и наших генах). В этой связи в диссертации институты понимаются и трактуются как сложные сочетания формальных и неформальных практик: методология институционального анализа здесь принимается из исторического институционализма в рамках подхода нового институционализма.

Ключевой проблемой анализа, осуществляемого в парадигме эволюционного институционализма, является попытка установить «исходную позицию», т.е., что делать точкой отсчёта. В попытках объяснить зарождение (социальных / экономических) институтов, как пишет Джеффри Ходжсон, новые институционалисты всегда исходили из того, что некоторые индивиды (individuals) помещены в некий уже существующий контекст с некоторыми уже существующими «правилами игры». Проблема заключается в том, что в поиске момента возникновения этих «правил» мы будем углубляться всё дальше (The Problem of Infinite Institutional Regress), и скорее всего неспособны вообразить «исходную позицию» (state of nature) даже с помощью мысленного эксперимента. Это неспособна сделать даже теория игр, потому как основные правила задаются ещё до начала симуляции⁷⁰. Данную проблему можно попытаться разрешить, в зависимости от цели исследования, разными способами. В нашем случае, ориентируясь эмпирически и принимая предпосылку о существовании «авторитета у животных», мы разрешаем её через обращение к нашим биологическим эволюционным корням.

В связи с тем, что исследование носит междисциплинарный характер, необходимо сделать замечание: все данные, привлекаемые из областей, где автор исследования не может претендовать на экспертность, привлекаются в неразрывной связи с их интерпретацией специалистами. Работа по уточнению данных была проделана вместе с командой проекта РНФ⁷¹, включающей в себя профильных специалистов из различных областей. Мы не интерпретируем данные из специальных областей самостоятельно. Ссылаемся лишь на те работы, достижения в которых признаны, по крайней мере, в магистральном направлении развития научной области. По возможности, в зависимости от значимости привлекаемых данных, безусловно учитывается и отражается в тексте и критика привлекаемых данных. Как утверждает современная постпозитивистская парадигма, – главный критерий научности – это валидный результат исследования, ради

⁷⁰ Hodgson J. The Evolution of Institutions: An Agenda for Future Theoretical Research // Constitutional Political Economy. 2002. Vol. 13, No. 2. Pp. 111–127.

⁷¹ Проект № 17-18-01536: «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» на базе ИНИОН РАН.

которого возможно (отражённое и отрефлексированное) пересечение дисциплинарных границ.

Кроме того, необходимо сделать одно терминологическое замечание. Диссертация вводит понятие «внешней инстанции»: под ним понимается предельная инстанция политического авторитета, существующая в воображении или в мире идей. Апелляция к ней и трактовка «интересов» которой служит обоснованием, средством и источником легитимности политического авторитета у конкретных личностей / позиций / акторов. В своей наиболее распространённой форме внешняя инстанция – это трансцендентная инстанция, которой являются сверхъестественные агенты (бог / Боги). В дальнейшем, однако, как будет показано в исследовании, внешняя инстанция может варьироваться, и в т.ч. «демистифицируясь» и лишаясь своего сверхъестественного компонента. «Воображаемое сообщество», нация, народ, государство «как смертный Бог», словами Томаса Гоббса⁷², «общественный договор» – это также внешние инстанции. Как пишет Святослав Каспэ, «*Перестав апеллировать к трансцендентному, но по-прежнему нуждаясь в легитимации, государство начинает трансцендировать само себя. <....> государство не просто эмансипируется от Бога, но претендует занять его место. Стать богом — пусть “смертным”, <...> но богом. Или даже бессмертным*»⁷³. Как и «бог», «государство» — это отсутствующий в физическом мире объект, который тем не менее влияет на нашу повседневную жизнь и социальное взаимодействие через вполне ощутимые государственные институты и инстанции. Внешняя инстанция авторитета – это нечто, существующее в мире идей, относительно которого возможна дисциплинарная субъективация (в модели «Паноптикона»).

Для того, чтобы разграничить религиозные трансцендентные инстанции и светские внешние инстанции авторитета, а также избежать разночтений и недопонимания, для светских демистифицированных внешних инстанций будет употребляться термин псевдотрансцендентность. В контексте диссертации это означает, что сущность наделяется в сознании людей чертами трансцендентного, но формально не обожествляется, и ровно также не обладает (признаваемой) субъектностью. Тем не менее мы считаем важным подчеркнуть, что не видим проблемы в том, чтобы и государства, и

⁷² Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль. 2001. С. 119.

⁷³ Каспэ С.И. Свет и власть. Паноптикон как политическая форма и её вариации // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 1. С. 17–18.

народы, и нации также называть трансцендентными внешними инстанциями, как мы делали в некоторых статьях по теме ранее⁷⁴.

Научная новизна и вклад в предметное поле

Исследования власти и авторитета, как уже было указано выше, обычно разделяются на теоретико-философские дебаты и прикладное эмпирическое изучение кейсов. Диссертационное исследование предпринимает попытку преодолеть сразу два методологических разрыва: во-первых, разрыв между нормативными теориями политического авторитета и практическими институциональными воплощениями, и во-вторых, междисциплинарный разрыв между политологией, социологией, историей, биологией и антропологией.

Общие эволюционные принципы варибельности способов институционализации политического авторитета, выявленные нами в процессе исследования, позволяют проследить и объяснить развитие институтов политического авторитета от «лидерства у животных» (то есть, ультимальной биологической и эволюционной логики явления добровольного подчинения), через появление внешней инстанции у людей (сверхъестественный агент) и типы её воплощения (от богов до идеологий), к современному – демократическому политическому авторитету. Вне прямого сравнения с глобальными концепциями, покрывающими огромные исторические периоды, вроде «социальных порядков» Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгейста, «экстративных / инклюзивных институтов» Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона⁷⁵ или эволюции социальной власти Майкла Манна, наше диссертационное исследование также не является философским трактатом и нормативным сочинением. Но основной результат схож: мы как будто бы устанавливаем, а фактически лишь выделяем общие принципы и на их основании предлагаем способ понимания эволюционной динамики институтов. Эта динамика проверяется на фактическом материале, чтобы 1) «закрывать» существующие в предметном поле лакуны, 2) выявить неизменяемое основание институтов политического авторитета и проследить логику изменений, 3) создать основу для дальнейшего, более глубокого в частных сюжетах, анализа и построения эмпирических моделей для конкретных исторических контекстов.

⁷⁴ См. Фокин К.В. Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2019. №3 (94). С. 33-54.

⁷⁵ Acemoglu D., Gallego F.A., Robinson J.A. Institutions, human capital and development // *Annual Reviews of Economics.* 2014. Vol. 6. Pp. 875–912.

Положения, выносимые на защиту

1. Институционализация структур(ы) политического авторитета на трёх критических этапах усложнения социальной и политической организации (эволюционных порогах) происходила за счёт последовательного накопления и усложнения, во-первых, способов реализации ультимальной эволюционной логики (поддержания кооперации и наказания её нарушителей за счёт стратификации сообщества), во-вторых, способов сочетания эволюционных биологических механизмов с социальными механизмами реализации отношений доминирования и подчинения.

2. На пороге начального антропогенеза политический авторитет в малых человеческих сообществах проходит процесс институционализации на основе унаследованного от общих с высшими приматами предков сочетания биологических и социальных механизмов поддержания кооперации и наказания фрирайдеров. При этом новым эволюционным основанием институционализации политического авторитета в человеческих сообществах стала развитая способность к воображению. Данная способность сделала возможным поддержание порядка и решение проблемы кооперации в сообществе за счёт не прямых и постоянных взаимодействий лидера(ов) с членами группы, но за счёт обращения к внеположным материальному миру сущностям, которые у ранних людей зачастую принимали проторелигиозную форму духов предков, духов природы, и так далее.

3. При переходе к большим сообществам, где члены сообщества не способны видеть и взаимодействовать со своим лидером на постоянной основе, система лидерства усложняется: возникает многоуровневая структура, включающая делегирование власти. Проторелигиозные внешние инстанции, ранее исполнявшие функции объяснения мира и передачи социальных норм, накопления знаний сообщества об окружающем и социальном мире, приобретают функцию обоснования (легитимации) политической власти. Размеры сообщества прямо коррелируют со степенью моралистичного «вмешательства» сверхъестественных агентов (духов, богов, Бога) в повседневную жизнь члена сообщества.

4. Традиционный способ институционализации авторитета основывается на факторах религиозно-политической трансценденции власти, которая позднее, с появлением светских институтов власти, зачастую начинает приобретать характер псевдо-трансцендентный («Государство как смертный бог»). Традиционные внешние инстанции могут значительно различаться: ими могут служить и языческие, политеистические, монотеистические религиозные системы, и религиозные элементы инкорпорированные в

полисную систему, и даже философская система вроде конфуцианства или более мистически-ориентированная вроде буддизма. Однако без легитимации власти при помощи обращения к какой-либо из внешних инстанций, вера в которую разделяется членами большого сообщества, долговременное и стабильное существование сообщества является невозможным. В работе приведены примеры естественных экспериментов – и попыток легитимации власти за счёт не-разделяемой членами сообщества внешней инстанции, и в принципе отсутствия такой попытки и опоры исключительно на военно-политические прагматические интересы (что свойственно военизированным объединениям племён, управляемым варлордами).

5. Политический авторитет в современных порядках демократизации основывается на плюрализме, вариантах сочетания и сожительства различных внешних инстанций внутри одного и того же сообщества; основой легитимации власти в демократических порядках является псевдотрансцендентная внешняя инстанция воображаемого «народа». Демократические практики, включая в первую очередь практику демократической подотчётности, настроены на попытку операционализации данной внешней инстанции.

6. Созданная для целей диссертационного исследования рамочная модель—схема эволюции способов институционализации политического авторитета предполагает, что варьирование, умножение и усложнение изменяющихся форм—способов на различных исторических этапах развития человеческих сообществ происходит при сохранении общего основания (ультимальной логики), а новые способы (проксимальная логика) добавляются и сочетаются со старыми. Институты способны как прогрессировать (усложняться), так и деградировать (упрощаться и даже разрушаться). Эволюционный подход учитывает изменчивость и тренды институционального развития, позволяет выделить критические переходы между уровнями и отобразить морфологические наложения.

Апробация работы

1. Международная конференция «Evolution of Human Capacities to Know and to Act, or: How to Convert Knowledge into Power», 30 октября 2019 г. (Москва, ИНИОН РАН и НИУ ВШЭ). Доклад: «The importance of supernatural agent for a theory of political authority».

2. Научный семинар аспирантской школы политических наук НИУ ВШЭ, 8 декабря 2020 г. (Москва, НИУ ВШЭ). Доклад: «Институционализация политического авторитета: эволюционный подход».

3. Круглый стол ежегодника МЕТОД-2021 «К Дарвину! С Дарвиным! Дальше Дарвина!», 11 февраля 2021 г. (Москва, ИНИОН РАН). Доклад: «Эволюции власти: (прото)политическое поведение у животных».

Список публикаций

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, в том числе рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Фокин К.В. Гипотеза сверхъестественного наказания (Критический обзор) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2019. № 1(92). С. 60-80.

2. Фокин К.В. Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2019. № 3(94). С. 33–54.

3. Фокин К.В. "Глубинная" демократия и политический авторитет // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2020. № 3(98). С. 34–61.

4. Фокин К.В. Зомби биовласти: устарела ли концепция сегодня? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2021. № 4(103). С. 43–62.

И также в иных изданиях:

5. Фокин К.В. Авторитет в оптиках биологии и политики // В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М.В. Ильин; отв. ред.: И.В. Фомин, В.С. Авдонин. Вып.9: Методологические аспекты междисциплинарного трансфера знаний. М.: [б.и.], 2019. С. 138–150.

6. Фокин К.В. Опыт изучения власти на интерфейсе политического и биологического / В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М. В. Ильин; отв. ред.: И. В. Фомин, В. С. Авдонин. Вып. 10: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. М.: [б.и.], 2020. С. 196–211.

7. Фокин К.В. Эволюции власти: (Прото)политическое поведение у животных / В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М.В. Ильин; отв. ред.: И.В. Фомин, В.С. Авдонин. Вып. 11: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. М.: [б.и.], 2021. С. 245–261.

Сжатое изложение основного содержания диссертации

Ключевых принципов варибельности институтов мы можем выделить три: во-первых, *авторитет является одним из вариантов решения проблемы кооперации, таким образом, с точки зрения функциональности институты авторитета направлены на улучшение кооперации, наказание фрирайдеров и согласование совместных действий* (этим обуславливается распространённость институтов авторитета в сообществах у людей, равно как и его функциональных у иных социальных видов); во-вторых, *во время перехода к большим сообществам, превышающим число Данбара, институты социального авторитета переформатировались в институты политического авторитета за счёт появления религиозной морализующей сверхъестественной инстанции, ставшей абсолютным легитимизатором власти*; в-третьих, *развитие, умножение, усложнение внешних инстанций политического авторитета в сообществах определяет способ институционализации политического авторитета – от архаического через традиционной до современного демократического (сохраняющего внешнюю инстанцию, но создающую возможности для её операционализации)*. Рамочная модель предполагает, что каждая новая фаза включается в предыдущую, иными словами, общая эволюционная функциональность сохраняется на каждом этапе, равно как и сверхъестественная (трансцендентная) внешняя инстанция не «исчезает» в демократическом обществе, хотя и перестаёт играть главную роль, а сохраняется.

Для того, чтобы подтвердить данную модель, дополнить или опровергнуть, необходимо предпринять попытку масштабного анализа. Нашу задачу облегчает тот факт, что сегодня в науке уже хорошо изучены свойства институтов власти практически во всех человеческих сообществах, начиная от охотников и собирателей, заканчивая современными демократиями. В условиях невозможности провести лабораторный эксперимент, нам приходится ориентироваться на исторические прецеденты и исторические «естественные эксперименты».

Приложение модели на критических общественных переходах, конкретных исторических контекстах и даже ряде кейсов выявило как подтверждение её основных параметров, так и заставило нас сделать несколько существенных дополнений. Данные из приматологии подтверждают, что уже на уровне высших приматов мы видим сочетание биологических программ и рамок (контекст среды и т.п.) с опытом и социальным развитием: это обуславливает *варибельность* систем устройства сообществ в рамках одного вида (в работе приведён пример шимпанзе). Тем не менее, динамику власти и способ её «оправдания» внутри группы можно охарактеризовать как архаичную практику

авторитета: лидер осуществляет контролирующую функцию и опирается на поддержку коалиций; в случае же, если он строит свою власть исключительно на доминировании, то ему необходимо иметь в союзниках того, кто обладает престижем; без поддержки группы такая «насилованная власть» возможна только на короткой дистанции, она не является стабильной.

При переходе к человеческим обществам архаичные практики авторитета, где социальная и политическая власть зачастую смешены, могли воспроизводиться в малых сообществах, где все члены сообщества имели возможность практически постоянно видеть своего лидера и взаимодействовать с ним. Однако, когда началось складывание больших сообществ, появление, или вернее, перекалфикация внешней инстанции – (прото)религиозных практик, ранее служивших для объяснения окружающего мира, и не являвшихся морализаторскими в смысле непосредственной вовлеченности в повседневную жизнь сообществ, – смогла служить оправданием власти и источником авторитета в больших группах людей на пространствах, где индивиды не так часто, и иногда и вообще, не взаимодействуют друг с другом.

Вариативность форм внешней инстанции велика: она может носить и трансцендентный, и псевдотрансцендентный характер, отличаться различной степенью моралистичности (т.е. жесткостью нормативных императивов), быть как простой, так и сложносоставной, и т.д. Однако главные её параметры: воспроизводство ситуации «Паноптикона», при которой все «верующие» в неё должны проходить процесс дисциплинарной субъективации, и существование в мире идей, т.е. основываться в человеческом воображении и порождаться верой людей в неё.

Но возможно ли вообще существование сообществ без внешней инстанции как источника политического авторитета? По итогам рассмотрения исторических контекстов мы можем ответить – да, возможно, однако их существование так же, как и в случае с чистым доминированием у высших приматов, не может носить долговременный и стабильный характер. Системы власти, построенная на военной силе и совпадении экономических интересов, можно обнаружить в военизированных объединениях племён, управляемых варлордами: в Средние века ярким примером может служить империя Чингисхана, скреплённая военной силой и экономическими интересами, но вслед за своим быстрым расширением столь же быстро распавшаяся на части. Пример иного характера можно обнаружить в римской истории, где император Юлиан Отступник пробовал внедрить собственную религиозную систему взамен той, которая уже распространилась в империи, и в которую верили его подданные – он также потерпел поражение.

С другой стороны, мы также учитываем примеры противоположного характера, когда вне институционально-оформленной системы, вроде наличной государственной или религиозной структуры, внешняя инстанция продолжает существовать и «скреплять» собой сообщество, члены которого могут быть рассеяны по всему миру. Таким примером является история еврейского народа, а в современном мире это те же «народы без государств» вроде курдов, не имеющих государственности, но имеющие собственные, разнородные и довольно устойчивые структуры власти, лидерства и авторитета.

Анализ современной нам системы демократического авторитета (в рамках социального порядка режима открытого доступа) в парадигме нашей модели усложнён, с одной стороны, обилием исследований и концепций, посвящённых как идеологическим, так и практическим институциональным, процедурным аспектам демократии, сведение которых к единому знаменателю делает рассмотрение демократических порядков весьма общим; с другой стороны, демократическая система как власть народа, очевидно, сейчас претерпевает трансформацию. В этом плане полноценная операционализация внешней инстанции пока что не представляется возможной: тем не менее мы обязаны отметить направление, в котором идут демократические сообщества сейчас. На протяжении всей истории человечества внешняя инстанция была «узурпирована» её интерпретаторами: лица, обладавшие авторитетом, трактовали, что есть «общее благо», сообразно собственным интересам и представлениям. Сама внешняя инстанция оставалась трансцендентной или псевдотрансцендентной – прагматически непостижимой. Ни бог, ни государство, ни коммунистическая утопия – ни одна из этих инстанций не обладает возможностью прямо заявить о своих практических интересах без посредников, облечённых властью. Однако «народ», который представляет собой воображаемую совокупность реально существующих людей, которым открыт доступ к определённым инструментам и процедурам, позволяющим осуществлять проявления власти, – это институциональная новация. Иными словами, «власть народа, осуществляемая народом в интересах народа и для народа» перестает быть риторической конструкцией посредством описанных нами в исследовании институциональных процессов.